

5 Интерпретация сновидений

5.1 Сновидения и сон

Еще со времен появления одноименной книги Фрейда толкование сновидений остается самой популярной областью психоаналитической теории и техники. Толкование сновидений аналитиком зависит как от его представления о функции сновидения, так и от его теории генезиса сновидения и еще от модификации сновидения к моменту, когда о нем рассказывают. Какие сновидения запоминает пациент, как он к ним относится, как говорит о них и когда он о них говорит на каждом сеансе и в рамках анализа в целом — все это факторы, из которых складывается интерпретация. Не последнее место занимает и интерес к сновидениям, а также (иногда более, а иногда менее) продуктивный способ, которым с ним работают в ходе лечения, — все это существенно для интерпретации сновидений самих по себе и для проведения лечения в целом.

В этом вводном разделе мы кратко наметим наиболее важные открытия в экспериментальных исследованиях сновидений, хотя и рискуя сделать толкование сновидений еще более проблематичным, чем раньше. Взгляд Фрейда на сновидения как на стражей сна сегодня необходимо считать опровергнутым; напротив, сон — это страж сновидений (Wolman, 1979, р. VII). Это один из фундаментальных выводов, следующих из психофизиологических исследований сновидений и сна. Тем не менее, природа REM — фаз сна (REM — «rapid eye movement» — одна из фаз сна, при которой фиксируются быстрые движения глазных яблок при закрытых веках. — *Ред.*) и их специфические биологические и психологические функции все еще являются областью научных противоречий. Описание Гиллом (Н. Gill, 1982) REM-фаз как третьей формы душевной жизни еще раз подчеркивает важность базового подхода Фрейда, то есть того, что сновидения следует рассматривать как *via regia*¹ к скрытым аспектам человеческого существования.

208 Интерпретация сновидений

В современных эмпирических исследованиях сновидений существует два центральных вопроса: один касается психической функции сновидений, другой — аффективно-когнитивных процессов генезиса сновидений (Strauch, 1981). После открытия REM-сна исследования сновидений направлены на уяснение отношений между сновидением и физиологическими процессами (Fisher, 1965), хотя в последнее время отмечается некоторое разочарование в этих корреляционных исследованиях. Например, Штраух (Strauch, 1981) призывает вернуться к подлинно психологическим проблемам, ставя цель еще раз выяснить значение сновидений как психологического явления. Фрейд прошел подобный путь и пришел к своему «Толкованию сновидений» (1900). Шотт (Schott, 1981) проследил его путь в сравнительном изучении развития теорий Фрейда. Хотя мы не дошли до того же самого отправного пункта, так как некоторые важные постулаты фрейдовской теории сновидений (хотя и не те, которые связаны с толкованием) опровергнуты, ясно, что физиологические состояния и психологические смыслы относятся к совершенно разным измерениям.

¹ Царская дорога (*лат.*).

Даже в будущем едва ли можно ожидать, что признанные методы интерпретации сновидений, так, как они практикуются различными школами психотерапии, будут испытывать влияние результатов исследований сновидений. Работа со сновидениями имеет свою собственную ценность в терапевтическом процессе, даже если стоящие за ней теории сновидений должны будут подвергнуться модификации (Slauch, 1981, p. 43).

Исследования сна и сновидений за последние тридцать лет уже многое изменили в наших представлениях о сновидениях. Будущее покажет, повлияет ли это на практику толкования сновидений, и если да, то как.

5.2 Мышление в сновидениях

Одна из тернистых теоретических проблем в отношении сновидений и процесса сна — это достижение соответствующего понимания отношений между образом и мыслью. Сам Фрейд обращается к этой проблеме в примечании, добавленном в 1925 году к «Толкованию сновидений»:

Одно время мне казалось исключительно трудным сформировать у читателей привычку различать явное содержание сновидений и латентные мысли в сновидении. Снова и снова будут приводиться аргументы за и против, основанные на каком-нибудь неинтерпретированном сновидении, в той форме, в которой оно сохранилось в памяти, и будет игнорироваться необходимость его интерпретировать. Но теперь, когда аналитики, по крайней мере, примирились с тем, что вместо явного содержания предлагается

Мышление в сновидениях 209

смысл, вскрытый благодаря толкованию, многие из них стали повинны в другой путанице, которой они придерживаются столь же упорно.

Они пытаются обнаружить суть сновидений в их латентном содержании и, поступая так, перестают различать латентные мысли в сновидении и работу сновидения. В основе своей сновидение — не что иное, как особая *форма* мышления, которая становится возможной в состоянии сна. Именно *работа сновидения* создает эту форму, и только она является сутью сновидения — объяснением его особой природы. Я говорю это, чтобы подойти ближе к истинному значению пресловутой «провидческой цели» сновидений. То, что сновидения пытаются решить проблемы, с которыми сталкивается наша душевная жизнь, не более странно, чем то, что этим должна заниматься наша сознательная жизнь во время бодрствования; кроме этого, речь идет всего лишь о том, что эта деятельность может вестись и в предсознании, а это мы уже знали (1900a, pp. 506—507).

Согласно Фрейду (1933a, p. 19), сновидения можно охарактеризовать, прежде всего, как филогенетические проявления более древних способов душевной работы, которые могут выступать на первый план благодаря регрессии в состоянии сна. Поэтому он описал язык сновидений в 13-й «Лекции по введению в психоанализ» (1916/17) как язык, имеющий архаичные черты. Язык сновидений, который предвосхищает развитие языка мысли, — это язык образов, богатый символическими отношениями. Соответственно, использование человеком символов выводит за пределы данного языкового сообщества (1923a, p. 242). Конденсация, смещение и пластическая репрезентация — это процессы, определяющие форму. В противоположность состоянию бодрствования, в котором мышление градуировано, дифференцировано и ориентировано вокруг логических различий пространства и времени, во сне имеет место регрессия, при которой границы размываются. Это размывание границ можно почувствовать в момент засыпания. Фрейд описал желание спать как мотив, индуцирующий эту регрессию.

Формальные элементы языка сновидения обозначаются термином «работа сновидения», которую Фрейд обобщил следующим образом: «Действиями, которые я перечислил, исчерпывается его деятельность; оно может только сгущать, замещать, представлять в пластической форме и в целом подвергать все вторичному пересмотру» (1916/17, р. 182). Во сне человек представляет мир, включая свое собственное Я, совершенно по-другому, чем в своем бодрствующем мышлении и повседневном языке. Поэтому проблема заключается не в том, чтобы описать формальные характеристики языка сновидений, — трудность в их переводе. Мысли трансформируются в образы, образы описываются словами (Spence, 1982a). Направление, в котором делается перевод, то есть либо с языка мысли на язык сновидений, либо наоборот, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Напротив, с учетом этого можно понять некоторые из противоречий, касающихся отношения образов к латентным мыслям

210 Интерпретация сновидений

сновидения и также определяющих правила перевода, релевантного для психоаналитической интерпретации сновидений. Внутренние восприятия, которые возможны в условиях сна, по-видимому, должны интерпретироваться как визуальные метафоры, и решающей детерминантой этого является неврологический процесс распределения стимулов в мозгу.

Эти правила интерпретации касаются отношений между элементами сновидений и элементами представленного ими латентного смысла, который Фрейд со странной неопределенностью назвал «подлинным», сутью (Eingentlichen) (1916/17, р. 151). В «Лекциях по введению в психоанализ» он изначально различал «три вида таких отношений — а именно отношение части к целому, аллюзия и пластическое изображение». Четвертый вид — это символическое отношение (1916/17, pp. 151, 170). Согласно Фрейду, отношение между символом и элементом сновидения постоянно, и это облегчает перевод:

Поскольку символы — это стабильные интерпретации, они до какой-то степени реализуют идеал древнего и популярного толкования сновидений, от которого при помощи нашей техники мы далеко отошли. Они позволяют нам при определенных условиях толковать сновидения, не задавая вопросов сновидцу, который и на самом деле не мог бы нам ничего сказать о символе. Если мы знакомы с обычными символами сновидений и, кроме того, с личностью сновидца, условиями, в которых он живет, и впечатлениями, предшествовавшими возникновению сновидения, мы часто находимся в положении, позволяющем прямо интерпретировать сновидение, с ходу его перевести (1916/17, р. 151).

Эта точка зрения основана на том положении, что сам сновидец неспособен к ассоциациям, наделяющим символ смыслом, потому что его регрессия в терапевтической ситуации недостаточна, чтобы позволить ему прямой доступ в язык образов.

То, что теперь нас интересует, — это природа отношений между явными и латентными элементами сновидения или, как это сформулировал Фрейд, отношений между элементами сновидения и их «подлинной сутью». С самого начала существуют огромные трудности в понимании этих отношений, как проясняет сам Фрейд: явные элементы сновидения — это не столько искажение латентных элементов, сколько «некое представление их, пластическое конкретное изображение, берущее свое начало в словесном оформлении. Но именно поэтому это еще одно искажение, ибо мы уже давно позабыли, из какого конкретного образа возникло слово, и, следовательно, мы не узнаем его, когда оно замещается образом» (1916/17, р. 121). Наше внимание привлечено здесь к фундаментальной проблеме отношений между словом и образом. Язык сновидений выражается, как правило, в визуальных образах, и задача терапевтического перевода состоит в трансформировании образов в слова и мысли.

Хотя мысли следует рассматривать как вторичные по отношению к изначальной репрезентации, они имеют самое первостепенное значение для терапии, потому что мысли, выраженные в словах, делают возможным терапевтический диалог. Мы надеемся, что теперь становится ясным, почему понятие латентной сновидческой мысли подверглось глубинному смысловому пересмотру в работах Фрейда: изначальное идентичное дневным остаткам, постепенно она становилась «подлинной сутью» сновидения, преобразованной работой сновидения в явное содержание сновидения и теперь переведенной обратно, так сказать, работой интерпретации, — *работа сновидения перетрансформируется благодаря работе интерпретации*. Противоречия в определенном смысле первичному языку картины, латентная мысль сновидения теперь занимает свое место на самом глубоком уровне, где в свою очередь она сливается с желанием, требующим интерпретации.

Теперь мы можем проиллюстрировать это положение, описав трансформацию смысла латентной мысли сновидения. Фрейд начал с концепции интерпретативной работы, и для него естественным было вначале приравнять дневные остатки (мотив сновидения) к латентным мыслям сновидения (1916/17, р. 199). В теории работы сновидений, то есть генезиса сновидений, латентные мысли сновидения под влиянием цензуры сновидений выражаются другим способом, который отсылает к состояниям нашего интеллектуального развития, давно оттесненным: к языку изображения, к символическим связям, к условиям, существовавшим, возможно, до того, как развился язык нашего мышления. По этой причине мы называем способ выражения работы сновидения *архаичным* или *регрессивным* (1916/17, р. 199). Сегодня мы бы скорее сказали, что работа над сновидениями совершается методами регрессии. В определенном смысле «все, что мы узнаем в результате толкования сновидения», обозначается термином «латентные мысли сновидения» (1916/17, р. 226). Огромное влияние интерпретативной работы на теорию генезиса сновидений совершенно ясно из отождествления цензуры сновидения с сопротивлением раскрытию латентных мыслей сновидения, которые, в свою очередь, представляют собой желания, вытесненные на различные уровни. Это преобладание желаний среди латентных мыслей сновидения объясняется, с одной стороны, всеобщей важностью мира желаний и, с другой — особым вниманием, которое психоаналитики уделяют с самого начала тем аспектам сновидений, которые связаны с исполнением желаний. Основная мысль Фрейда, а именно что сновидения, по сути, являются не чем иным, как особой формой нашего мышления (1900а, р. 506), отрицалась до

212 Интерпретация сновидений

тех пор, пока Эриксон не опубликовал «Образцы сновидений в психоанализе» (1954).

В настоящее время систематические исследования позволяют исследовать вопрос, дополняет ли мышление сновидений бодрствующее мышление, или же одно сливается с другим. Некоторые данные показывают, что существует соответствие между мечтанием наяву и ночным видением снов, и можно показать, что искажение и выражение аффекта все больше увеличивается от мечтаний наяву, через фантазирование, к ночным сновидениям. Также было показано, что возможно установить половые различия для различных потребностей (Strauch, 1981, р. 27). В целом теперь считается, что конфигурация содержания сновидения отражает основные черты личности сновидца (Cohen, 1976, р. 334).

Это направление также получило поддержку благодаря результатам широких исследований, выполненных Фуксом в области психологии развития (Foulkes, 1977, 1979, 1982). Фукс указал на параллелизм когнитивного и эмоционального развития в состоянии бодрствования и при отчетах о сновидениях. Гиора (Giorga, 1981, р. 305) подчеркнул опасность при обсуждении теории сновидений учитывать только клинический материал и игнорировать существование других типов сновидений, например логических, решающих проблемы. Теперь мы знаем, что сновидения в REM-сне имеют тенденцию быть иррациональными, а вне REM-сна — рациональными, а это предполагает, что механизмы

первичных процессов работы сновидений связаны со специфическими физиологическими состояниями. Ференци (Ferenczi, 1955 [1912]) уже думал об этом, когда писал об «управляемых» сновидениях. Эти сновидения целенаправленно формируются сновидцем, который отвергает неудовлетворительные версии. Это можно обобщить, сказав, что в настоящее время многие авторы отрицают теории, придающие мышлению сновидений особый статус, предпочитая вместо этого интегрировать мышление сновидения в общие принципы функционирования психики.

На основании исследований электроэнцефалограмм, фармакологических экспериментов и теоретических рассуждений Коуккоу и Леманн (Koukkou, Lehmann, 1980, 1983) сформулировали «модель флуктуации состояния» (state fluctuation model), в основе которой лежит мысль о существовании различных функциональных состояний мозга, каждое из которых имеет свои собственные избирательно доступные запасы памяти. В соответствии с этой моделью формальные характеристики сновидения (то есть продукты первичного процесса и работы сновидения) складываются в результате действия следующих факторов:

Дневные остатки и инфантильное желание 213

- 1) Воспроизведение во время сна материала памяти (реальные события, мыслительные стратегии, символы и фантазии), который накапливается на протяжении развития и который в бодрствующем состоянии взрослого человека либо не может быть полностью прочитан, либо настолько сильно адаптируется к ситуации «здесь-и-теперь» в соответствии со стратегией бодрствующей мысли, что уже неузнаваем. Кроме того, это воспроизведение нового (недавнего) материала памяти и его повторная интерпретация согласно стратегии мышления функциональных состояний во время сна.
- 2) Флуктуации функционального состояния на различных стадиях сна (гораздо более узко определяемых и намного более коротких, чем четыре классические стадии электроэнцефалограммы), которые происходят спонтанно или в качестве ответной реакции на новые стимулы или сигнальные стимулы в течение сна. Это ведет к трансформации содержания в период перехода к другим запасам памяти (функциональным состояниям) и приводит к
- 3) образованию новых ассоциаций, которые при отсутствии перехода функционального состояния в состояние бодрствования не могут адаптироваться к текущей реальности, поскольку спящий пользуется мыслительными стратегиями того функционального состояния (уровня развития), в котором он находится (Koukkou, Lehmann, 1980, p. 340).

5.3 Дневные остатки и инфантильное желание

В теории сновидений Фрейда едва ли делался когда-либо более смелый шаг, чем тот, что связывает попытку исполнения желания с постулатом о том, что это должно быть инфантильное желание, то есть «открытие того, что, по сути, все сновидения являются детскими сновидениями, что они работают с одним и тем же инфантильным материалом, с душевными импульсами и механизмами детства» (1916/17, p. 213). В «Толковании сновидений» Фрейд приводит в противоположность инфантильному желанию изобилие данных в пользу операциональной эффективности желаний, возникающих в настоящем, и мотивов, которые Канцер (Kanzer, 1955) обозначил термином «коммуникативная функция» сновидений. Кроме того, мы должны вспомнить различие, сделанное Фрейдом между источником и движущей силой сновидений: отбор материала «из любой части жизни сновидца» (Freud, 1900a, p. 169) и введение этого материала как причинного момента сновидения — это две совершенно разные вещи.

Мы полагаем, что Фрейд сохранил концепцию первичности инфантильного желания из эвристических соображений и на основании техники лечения. Мы не будем подробно вдаваться в вопрос, как часто интерпретации удается убедительно проследить генезис сновидений от дневных остатков (непосредственных провоцирующих факторов) до инфантильных желаний и показать, что последние являются более глубинными и более существенными причинами. Фрейд проиллюстрировал отношения между дневными остатками и (инфантильным) бессознательным желанием, сравнивая их с коммерческим предприятием, которому всегда необходим капиталист, чтобы обеспечить финансирование, и предприниматель с представлением и видением того, как это выполнить. Капиталист — это бессознательное желание, поставляющее психическую энергию для формирования сновидения, а предприниматель — это дневной остаток. Однако у капиталиста тоже могут иметься идеи, а у предпринимателя — капитал. Таким образом, метафора остается открытой: это упрощает ситуацию на практике, но осложняет ее теоретическое понимание (Freud, 1916/17, p. 226).

Позднее Фрейд (1933a) трансформировал эту метафору в теорию генезиса сновидений сверху (из дневных остатков) и снизу (из бессознательных желаний). То, что в этой оригинальной метафоре капиталист приравнивается к психической энергии, которую он дает, отражает предположение Фрейда относительно экономии энергии, когда психическая энергия рассматривается как основная сила, стоящая за стимулами, сила, которая создает желание и толкает к его исполнению, даже если это возможно только способом отреагирования (*abreaction*) в форме галлюцинаторного удовлетворения. (Также можно заимствовать термин из этологии и назвать такие отреагирования пустой активностью (*vacuum activities*) при отсутствии объекта, удовлетворяющего инстинкт.)

Одним из следствий этого теоретического положения является то, что, строго говоря, открытие благодаря интерпретации инфантильного желания должно предполагать повторное открытие и воспроизведение изначальной ситуации, в которой желание, потребность или стимул инстинктивной природы возникли, но не были удовлетворены, а потому не могло быть никакого подлинного отреагирования (*abreaction*) по отношению к объекту. Именно на этом гипотетическом фоне Фрейд высказывал предположение (даже самым пациентам, как нам известно из случая Человека-Волка), что проникновение в «покрывающие» воспоминания (*screen memory*) могло бы обнаружить изначальную ситуацию желания и фрустрации (первичную сцену). В случае с Человеком-Волком ожидания Фрейда не были удовлетворены, то есть покрывающие, экранирующие воспоминания не

Дневные остатки и инфантильное желание 215

допустили вторжения, и Человек-Волк не вспомнил первичной сцены. Дальнейшая жизнь Человека-Волка очень хорошо отражена документально (Gardiner, 1971), и можно заключить, что рецидивы у него (и сам тот факт, что его болезнь фактически стала хронической) объясняются не столько неадекватным освещением его инфантильного инцестуозного искушения и ситуациями фрустрации, сколько тем, что он идеализировал Фрейда (и психоанализ) в качестве защиты от недавнего негативного переноса.

В положении о том, что инфантильные желания являются движущей силой сновидений, имплицитно присутствует теория сохранения воспоминаний. Эта теория была сформулирована Фрейдом в «Толковании сновидений» (1900a, Chap. 7) и значительно повлияла на структурирование психоаналитического лечения в том отношении, что стал делаться акцент на воспоминании и разрядке возбуждения. Хотя инфантильное желание и соответствующее ему окружение можно реконструировать только в редких случаях и аффективно и когнитивно оживить лишь с некоторой долей уверенности, все же прояснение амнезии детства является идеалом, особенно для наиболее ортодоксальных аналитиков. Это

тем более справедливо для того времени, о котором по психобиологическим причинам могут быть только сенсомоторные воспоминания. Правдоподобие такой реконструкции — одно, а ее терапевтическая эффективность — другое, как достаточно ясно показал Фрейд: «Довольно часто нам не удастся подвести пациента к воспоминаниям, которые были вытеснены. Вместо этого, если анализ проводится правильно, мы пробуждаем в нем уверенную убежденность в истине их построения, которая дает такой же терапевтический результат, как и восстановленные воспоминания» (1937d, pp. 265—266). Иногда последующий опрос матери пациента дает подтверждение правдоподобия реконструкции, что позволяет окончательно подтвердить предполагавшиеся вначале события, уже, по-видимому, верифицированные в ходе анализа (например: Segal, 1982). Какую ценность имеют такие данные в связи с субъективной истиной жизни фантазий и изменением последней под влиянием лечения — это проблема, которой мы здесь не имеем возможности касаться (см.: Spence, 1982a).

Как мы видели, есть разные аспекты существования бессознательных инфантильных сновидческих желаний, и мы можем лишь затронуть их клиническую значимость. В качестве обобщения скажем, что в теории исполнения желаний встают проблемы в отношении проявления бессознательного инфантильного элемента желаний и что это ведет к другим проблемам, например как согласовать повторяющиеся стереотипные тревожные сновидения с теорией.

216 Интерпретация сновидений

Дневные остатки функционируют как аффективный мост между мышлением в состоянии бодрствования и сновидческим мышлением. Выявление дневных остатков, с опорой на ассоциации пациента, обычно приводит к первоначальному, непосредственному пониманию сновидения. Эта функция моста особенно четко видна в экспериментальных исследованиях сновидений, когда испытуемых будят ночью и расспрашивают об их сновидениях. Гринберг и Перлман (Greenberg, Pearlman, 1975, p. 447) наблюдали этот процесс через призму психоаналитической ситуации и выделили относительно неискаженное включение аффективно заряженных событий в содержание сновидения.

Однако, имея в виду дополнительные комментарии к сновидению фрейдовской Ирмы, сделанные Шуром (Schur, 1966), мы подчеркиваем, что сужение понятия «дневной остаток» мешает увидеть возможные связи с событиями, происшедшими несколько раньше в прошлом. Собственные ассоциации Фрейда к сновидению Ирмы вскоре вернули его обратно к завуалированной критике, которая исходила от его друга Отто, сообщившего ему накануне вечером о том, что состояние Ирмы не вполне удовлетворительно. Фрейд не упомянул в «Толковании сновидений» о критической ситуации с пациенткой Эммой через несколько месяцев после того, как ее оперировал его друг Флисс. По Фрейду, дневной остаток лежит на пересечении двух ассоциативных линий, одна из которых ведет к инфантильному желанию, а другая — к желанию в настоящем: «Из каждого элемента в содержании сновидения ассоциативные нити разветвляются в двух или больше направлениях» (1901a, p. 648). Если мы откажемся от дихотомии источников теперешнего и инфантильного желаний и вместо этого примем концепцию ассоциативной сети, в соответствии с которой прошлое и настоящее во многих временных пластах сплетены (Palombo, 1973), мы сможем выдвинуть тезис о том, что основная функция сновидений — это развитие, поддержание (регуляция) и, по необходимости, реставрация психических процессов, структур и организации (Fosshage, 1983, p. 657).

Мы очень мало знаем о том, всегда ли требуется обращение к инфантильным вытесненным желаниям для контроля этих ассимилятивных и адаптивных процессов психического *milieu interne*¹, или это необходимо только в исключительных случаях, то есть

¹ Внутренний мир (франц.).

когда недавний конфликт начинает резонировать с неразрешенной инфантильной конфликтной ситуацией. Спекулятивен, но, тем не менее, очень интересен нейрофизиологический тезис (Koukkou, Lehmann, 1980, 1983), заключающийся в том, что вариации в электроэнцефалографических паттернах в REM-

Дневные остатки и инфантильное желание 217

фазах предполагают, что ворота в ранние воспоминания могут открываться в течение одной ночи несколько раз, а значит, могут вполне иметь место обменные процессы между настоящим и прошлым.

Представление Фрейда о том, что инфантильное желание является движущей силой образования сновидений, не подтвердилось, и в свете открытий современных исследований его нужно отклонить как излишнее. Он сформулировал эту гипотезу прежде, чем стало известно, что процесс сновидения — это биологически обусловленная активность, контролируемая внутренними часами и не нуждающаяся в обосновании психической экономией. Мы должны задаться вопросом, какие из сновидений, которые вспомнились и записаны благодаря REM-методике в исследовании сновидений, всплывали в памяти во время прохождения психоанализа, а какие, может быть, выполняли свою психологическую функцию именно тем, что приснились и *не* запомнились. Тем не менее клинически важно, какие сновидения запоминаются и кому их рассказывают. Коммуникативная функция сновидений (Kanzer, 1955) остается чисто психологическим и психоаналитическим вопросом, который имеет разное значение для каждой из трех областей, считающихся важными: решение задач, процессы, связанные с обработкой информации, и укрепление Я. Эти направления не являются взаимоисключающими, как правильно указывал Даллет (Dallet, 1973), и их эмпирическое обоснование сильно различается. Как мы уже убедились выше, рассматривая мышление в сновидении (разд. 5.2), с годами гипотеза о том, что функция сновидений — помогать справляться с реальностью, стала менее весомой, чем гипотеза о важности сна для интрапсихического равновесия сновидца и для поддержания его психических функций. Теперь мы коснемся некоторых важных положений теории сновидений.

5.3.1 Теория исполнения желаний: единый принцип объяснения

Фрейд ясно понимал важность единого принципа объяснения и необходимости его придерживаться, несмотря на все теоретические и практические трудности, с которыми столкнулся, что мы и будем рассматривать ниже. Он пытался разрешить эти трудности, теоретически вооружив желание с его мотивирующей силой генезиса сновидений многими элементами из различных источников. Фрейд предпочел такое единообразие другим подходам уже в 1905 году, хотя и не дал этому убедительного обоснования.

Я утверждал в своей книге «Толкование сновидений» (1900a), что каждое сновидение представляет собой желание, которое представлено как исполненное, что репрезентация действует как маскировка, если желание

218 Интерпретация сновидений

вытеснено и принадлежит бессознательному, и что, за исключением детских сновидений, только бессознательное желание или то, которое попадает в бессознательное, обладает необходимой силой для формирования сновидения. Я полагаю, что моя теория получила бы большее признание, если бы я удовлетворился утверждением, что у каждого сновидения есть смысл, который можно раскрыть при помощи определенного процесса толкования; и что когда толкование сделано, сновидение может быть замещено мыслями, возникающими в легко узнаваемом месте в умственной жизни

бодрствующего сновидца. Тогда я смог бы продолжить, сказав, что смысл сновидения, может быть, столь же различен, сколь различны процессы бодрствующей мысли; что в одном случае это было бы исполненное желание, в другом — осознанный страх, или размышление, настойчиво проникающее в сон, или намерение (как в случае сновидения Доры), или фрагмент творческой мысли во время сна и так далее. Нет никаких сомнений, что такая теория оказалась бы привлекательной, будучи очень простой, и ее можно было бы обосновать большим количеством примеров сновидений, удовлетворительно истолкованных, как, например, то, которое было проанализировано на этих страницах.

Но вместо этого я сформулировал обобщение, согласно которому смысл сновидения ограничен единственно репрезентацией желаний, и, поступая так, я бросил вызов всеобщей склонности к несогласию. Однако я должен заметить, что не считаю ни своим правом, ни своей обязанностью упрощать психологический процесс с целью сделать его более доступным своим читателям, в то время как мои исследования показали мне, что он связан со сложностью, которую нельзя свести к единообразию, пока не будет выполнено исследование в другой области. Поэтому для меня особенно важно показать, что явные исключения — такие, как это сновидение Доры, которое на первый взгляд предстало как продолжение во сне намерения, сформированного в течение дня, — тем не менее предоставляют свежее подтверждение правила, которое сейчас рассматривается (Freud, 1905e, pp. 67—68).

Чтобы сформулировать единообразный принцип объяснения, Фрейд пришлось предпринять огромные теоретические и концептуальные усилия, которые мы сейчас кратко обобщим. Генезис, природа и функция сновидения коренятся в попытке устранить психические стимулы посредством их галлюцинаторного удовлетворения (Freud, 1916/17, p. 136). Одним из компонентов этой телеологической функциональной теории является положение о том, что сновидение, или сновидческий компромисс, — это страж сна, способствующий исполнению желания оставаться в состоянии сна (Freud, 1933a, p. 19).

Расширение концепции желания и удовлетворения позволило включить в теорию исполнения желаний даже те сновидения, которые выглядят как противоречащие ей, так называемые сновидения наказания. Понимание сновидения как некоего компромисса между различными тенденциями позволяет приписывать ответственность за форму, которую принимает проявляющееся сновидение, иногда желанию спать, а иногда необходимости самонаказания, которое интерпретируется как желание и локализуется в Сверх-Я.

Дневные остатки и инфантильное желание 219

Стало также возможным включить в традиционную телеологическую функциональную теорию тот факт, что иногда люди пробуждаются во время тревожных сновидений. Это было достигнуто при помощи дополнительной гипотезы, согласно которой в ночных кошмарах страж сна меняет свою обычную роль и прерывает сон, чтобы он не стал еще страшнее. Тогда можно теоретически связать многие попытки уменьшить тревогу с этой особой охранительной функцией, например одновременное осознание спящим, что «это только сон». Такая интерпретация тревожных снов основана на гипотезе защиты от стимулов, а шире — на экономической гипотезе Фрейда, которая, конечно, тоже вплетена в представление о том, что сновидение представляет собой попытку избавиться от психических стимулов посредством галлюцинаторного удовлетворения.

Нельзя просто отмахнуться от противоречивости и непоследовательности объяснения процесса сновидения на основе теории исполнения желаний. Тот факт, что Фрейд всегда считал, что желание является движущей силой сновидений, возможно, связан с *психоаналитической эвристикой*. Мы подчеркнули в разделе 3.1, что всегда существовали весомые причины тому, что психоаналитическая эвристика ориентирована на принцип удовольствия, то есть на динамику бессознательных влечений (см. также разд. 8.2 и 10.2). Однако важно отличать *открытие* бессознательных желаний психоаналитическим методом от *объяснения* сновидения и работы сновидения как выражения влечений (см. разд. 10.2).

Желания и влечения будут влиять на человеческую дневную и ночную жизнь даже после смерти метапсихологии и ее фундаментального принципа (экономии влечения), то есть когда последний не будет больше рассматриваться как основа теории исполнения желаний.

5.3.2 Я-репрезентация и решение проблем

Теперь обратимся к причинам того, почему в связи с проблемой формирования Я гораздо больше внимания уделяется теории желаний, чем важности идентификации, которую тоже можно усмотреть во многих сновидениях. Уже в «Проекте научной психологии» Фрейда мы обнаруживаем знаменательное высказывание: «Таким образом, целью и завершением всех мыслительных процессов является достижение *состояния идентичности*» (1950а, р. 332). В каком-то смысле это представление в данном контексте обращается в первый раз к проблеме, которая выходит далеко за пределы языка сновидения и позже обсуждалась в связи с «океаническим чувством» единства человека и космоса Романа Роллана (см.: Freud, 1930а, pp. 64—66).

220 Интерпретация сновидений

Давайте предположим, что объект, который присутствует в восприятии, напоминает субъекта — *такого же человека*. Если это так, теоретический интерес [проявляемый к нему] также объясняется тем фактом, что объект, подобный этому, был одновременно первым удовлетворяющим [субъекта] объектом и, далее, его первым враждебным объектом, а также и единственной помогающей ему силой. По этой причине человек познает в первую очередь именно человека-соплеменника. Тогда перцептивные комплексы, которые исходят из этого человека-соплеменника, будут частично новыми и несравнимыми, например его *черты* в зрительной сфере; но другие зрительные восприятия, например движения его рук, у субъекта будут совпадать с воспоминаниями о совершенно сходных зрительных впечатлениях, связанных с самим собой, своим собственным телом [воспоминаниями], что ассоциируются с воспоминаниями о движениях, которые он делал сам. Другие моменты восприятия объекта тоже (например, пронзительный крик) будут пробуждать воспоминания о своем собственном переживании боли (Freud, 1950а, р. 331).

Мы ссылаемся снова на этот отрывок из «Проекта научной психологии», поскольку здесь зрительное и двигательное восприятия самого себя и другого связывается с удовлетворением посредством объекта. В теории сновидений, основанной на исполнении желаний, удовлетворение отделено от когнитивных зрительных процессов. Поскольку нам бы хотелось подчеркнуть особую и долго недооценивавшуюся важность этих процессов для эмпирически обоснованной психологии Я, этот отрывок, который помещает Фрейд в генеалогию символического интеракционизма, особенно уместен. Вспоминаются прекрасные строки Кули (Cooley, 1964[1902], р. 184): «Мы все друг другу зеркала: вот он прошел, вот ты прошла» (Each to each a looking-glass reflects the other that doth pass). Мы будем иметь дело с последствиями включения этих процессов в теорию и практику интерпретации сновидений ниже, но можно уже сейчас сказать, что это делает теорию исполнения желаний относительной, не лишая ее эвристической и терапевтической значимости. Теорию исполнения желаний приходится дополнять все большим и большим количеством новых гипотез, которые скорее уменьшают, чем увеличивают значение желания в смысле инстинктивного желания; кроме того, существует и проблема способности теории объяснить разнообразную феноменологию сновидческого процесса (Siebenthal, 1953; Snyder, 1970).

В теории исполнения желания внутренние противоречия заставляли Фрейда делать неоднократные добавления и поправки, но ему никогда не приходилось пересматривать следующее свое утверждение в «Толковании сновидений»: «Мой опыт таков — и я не нахожу никаких исключений из него, — что каждое сновидение имеет отношение к самому

сновидцу» (1900а, р. 322). Нам бы хотелось полностью процитировать то, как он развивает это утверждение, которое почти слово в слово повторяется в его более поздней работе:

Дневные остатки и инфантильное желание 221

Сновидения совершенно эгоистичны. Всегда, когда в содержании сновидения появляется не мое собственное Я, а только какое-то чужое лицо, могу в полной уверенности полагать, что мое собственное Я скрывается за этим другим лицом посредством идентификации; я могу вставить свое Я в данный контекст. В других случаях, когда мое собственное Я действительно появляется в сновидении, ситуация, в которой это происходит, может указать мне на то, что какой-то другой человек посредством идентификации скрывается за моим Я. В этом случае сновидение должно заставить меня перенести на себя самого, когда я интерпретирую сновидение, скрытый общий элемент, привязанный к этому другому человеку. Существуют также сновидения, в которых мое Я появляется вместе с другими людьми, снова выступающими как мое собственное Я, когда раскрывается идентификация. Эти идентификации должны позволить моему Я войти в контакт с определенными мыслями, принятие которых было запрещено моей цензурой. Таким образом, мое Я может быть представлено в сновидении несколько раз — и прямо, и через идентификацию с посторонними лицами. При помощи ряда таких идентификаций становится возможным сконденсировать исключительное количество мыслительного материала. То, что собственное Я сновидца появляется несколько раз или принимает несколько форм в сновидении, — это, по сути, не более замечательно, чем то, что Я содержится в сознательных мыслях несколько раз или сразу в некоторых местах или связях, например в предложении «Когда я думаю, каким я был здоровым ребенком» (1900а, pp. 322—323).

В примечании Фрейд приводит правило, которому необходимо следовать в случае сомнений относительно того, в каком из образов, появляющихся во сне, скрывается Я: «Личность, переживающая в сновидении эмоцию, которую я сам испытываю в своем сновидении, и есть тот человек, за которым скрывается мое Я».

В более поздних наблюдениях Фрейда о том, что лицо, играющее ведущую роль в сновидении, всегда является самим сновидцем (1916/17, р. 142; 1917d, р. 223), этот факт снова приписывается нарциссизму состояния сна и потере интереса ко всему внешнему миру, при этом нарциссизм приравнивается к эгоизму. Иногда также можно установить связь с теорией исполнения желаний, поскольку Я-репрезентация всегда включает в себя желания. Так что у сновидца всегда есть неисполненные желания, будь то неудовлетворенные инстинктивные потребности или продукты уникальной творческой человеческой фантазии.

Нарциссизм состояния сна и регрессивная форма мышления в сновидениях могут отражать потерю интереса к внешнему миру, если «интерес» и «внешний мир» понимаются так, как это диктует различие между субъектом и объектом; однако мы считаем, что интерес связан с внешним миром в более глубинном смысле, устраняя дифференциацию субъект — объект, я — ты и достигая идентичности посредством идентификации. Если перечитать выше процитированный отрывок особенно внимательно, становится еще яснее, что Фрейд говорит о *Я-репрезентации* посредством идентификации, то есть об установлении

222 Интерпретация сновидений

общности. Однако сновидец эгоистичен в той степени, в какой он может отпустить поводья своих мыслей и желаний, не учитывая, имеет ли он дело с живым или неживым объектом (то же самое относится и к мечтанию наяву). С точки зрения развития тот факт, что Я-репрезентация в сновидениях использует других лиц, животных и неодушевленные объекты, может быть приписан недостаточной первичной сепарации. Отсюда происходит магия мыслей, так же как магия жестов и действий.

На сегодняшний день в психоанализе большее терапевтическое и теоретическое значение

приписывается исполнению желаний через объект и роли объектных отношений в сновидениях, чем основополагающему утверждению Фрейда о том, что сновидец всегда видит сны о самом себе (часто представленном другими). В дополнение к уже упомянутым факторам мы считаем, что в истории психоанализа можно найти тому и другие причины. Теория исполнения желаний, вместе с теориями влечений, которые ее конкретизируют, отделяет психоанализ от теории сновидений Юнга. Юнг впервые ввел Я как субъективный элемент, противопоставляя свое «конструктивное» понимание редуцирующему аналитическому пониманию. Позднее он значительно расширил свой «конструктивный метод», постепенно изменив терминологию:

Я называю каждую интерпретацию, которая приравнивает образы сновидения к реальным объектам, интерпретацией на объективном уровне. Ее противоположностью является интерпретация, которая отсылает каждую часть сновидения и всех, кто в ней задействован, к самому сновидцу. Это я называю интерпретацией на *субъективном уровне*. Интерпретация на объективном уровне является *аналитической*, потому что она *дробит* содержание сновидения на комплексы памяти, которые относятся к внешним ситуациям. Интерпретация на субъективном уровне является *синтетической*, потому что она отделяет предполагаемые комплексы памяти от их внешних причин, рассматривает их как тенденции или компоненты субъекта и вновь объединяет их с этим субъектом. (В любом опыте я переживаю не столько объект, но прежде всего и более всего самого себя, что, конечно, предполагает, что я отдаю себе отчет об этом опыте.) Поэтому в таком случае все содержание сновидения рассматривается как символы субъективного содержания.

Таким образом, *синтетический*, или *конструктивный*, процесс интерпретации является интерпретацией на субъективном уровне (Jung, 1972, [1912], p. 83).

Использование субъективного уровня становится наиболее важным эвристическим принципом Юнга, и он утверждает, что отношения, изначально понимаемые как находящиеся на объективном уровне, тоже следует поднять на субъективный уровень (Jung, 1972 [1912], pp. 94—95). В то же самое время субъективный уровень не учитывает не только личного Я и репрезентации субъективных качеств посредством других образов в сно-

Дневные остатки и инфантильное желание 223

видении, но также и биографической предыстории таких репрезентаций. Все личное воплощено в архетипах, интерпретация которых также придает объектам более глубокий смысл. Другие лица в сновидениях рассматриваются не как заменители собственного Я сновидца, но как представители архетипических паттернов, то есть схем, управляющих жизнью и определяющих форму, которую принимают интраперсональные аффективные и когнитивные процессы, а также межличностный опыт и действие. В юнговском образе человека жизненный цикл понимается как ассимиляция бессознательных архетипических образов. В центре этой ассимиляции находится Я:

Истоки всей нашей психической жизни представляются неотъемлемо корнящимися в этой точке [Я] (*dem Selbst*), и все наши высокие и первостепенные цели представляются стремящимися к ней... Я надеюсь, что внимательному читателю стало достаточно ясно, что Я так же связано с Эго, как солнце с землею (Jung, 1972 [1928], p. 236).

Теория архетипов Юнга и теория символов Фрейда пересекаются там, где Фрейд полагает существование общих сверхиндивидуальных структур смысла. Поскольку конфигурация этих структур зависит от индивидуального и социокультурно передаваемого опыта, фрейдистская психоаналитическая интерпретация сновидений не может рассматривать Я-репрезентацию как проявление архетипических содержаний. Впрочем, некоторые аналитики придерживаются мнения, что образы себя (*Selbstdarstellungen*) действительно имеют архаические содержания, и это можно проиллюстрировать, воспользовавшись примером понимания Кохутом сновидений о своем собственном состоянии.

В дополнение к нормальному, хорошо известному типу сновидений, латентное содержание которых (такое, как инстинктивные желания, конфликты и попытки решить проблемы) может быть в принципе вербализовано, Кохут считает, что он открыл второй тип, который он называет «сновидением о своем собственном состоянии» (self-state dream). В работе с такими сновидениями свободные ассоциации приводят не к более глубокому пониманию, но в лучшем случае к образам, которые остаются на том же самом уровне, что и явное содержание сновидений. Исследования явного содержания и его ассоциативного обогащения показывают, что здоровые части психики пациента со страхом реагируют на нарушающие распорядок изменения в состоянии Я, например, при угрозе дезинтеграции. Тогда в целом сновидения этого второго типа надо понимать как пластическую репрезентацию угрозы дезинтеграции Я.

224 Интерпретация сновидений

Кохут объяснил это, обратясь к примеру сновидений с полетом. В частности, мы отсылаем читателя к трем сновидениям, о которых он впервые упомянул в 1971 году (Kohut, 1971, pp. 4, 149) и к которым он снова привлек внимание в 1977 году (Kohut, 1977, p. 109). Вкратце, Кохут рассматривает сновидения полета как угрожающую репрезентацию грандиозного Я (the self), причем опасность состоит в дезинтегрированности, которую он приравнивает к проявлению психоза. Это интерпретация (по Кохуту, не являющаяся поддерживающим маневром), согласно которой различные события в жизни пациента, включая прерывание анализа, оживляют старые мании величия. Пациент боится, что они появятся снова, но даже его сновидения ясно показывают, что он может преодолеть проблему с юмором (Kohut, 1977, p. 109). Кохут видит в юморе своего рода сублимацию и вызов нарциссической мании величия, то есть некую разновидность дистанцирования (см. также у Френча и Фромма (French, Fromm, 1964) концепцию «деанимации» (deanimation) как защиту и способ облегчить решение проблемы).

Нет ничего более естественного, чем рассматривать сновидения полета как Я-репрезентации и исполнение желаний. Сегодня для людей, в отличие от Икара, полет является реалистическим опытом. Мы считаем, что влияние, которое оказывает на формирование бессознательных схем развитие технологии, следует более тщательно исследовать, прежде чем спекулятивно делать определенные выводы типа утверждения Кохута о том, что сновидения полета являются особо опасными представителями грандиозного Я. А выходя за рамки практических вопросов техники лечения, мы можем видеть, к каким последствиям могут привести теоретические положения, если они принимаются как уже доказанные. Кохуту не нужны никакие ассоциации для интерпретации этих сновидений, потому что они якобы располагаются на архаичном уровне функционирования. Однако мы считаем это — как и вообще вопрос об интерпретации символов — непроясненной проблемой психоаналитической теории интерпретации сновидений.

Людерс (Lüders, 1982) различает сновидения о себе (Selbstträumen) и сновидения об объектных отношениях, но кажется, он принимает положение о том, что сновидения, в которых присутствуют взаимодействующие персонажи, также можно интерпретировать с точки зрения Я. Он подчеркивает, что сновидения являются интерпретациями, хотя и без регуляции и без контроля, которые в бодрствующем сознании отражают деятельность Я. С его точки зрения, здесь лежит противоречие между концепцией себя и реальным Я, воображаемой и действительной способностью действовать, которое определяет форму, принимаемую сновидением. Либо понятие Я модифицирует-

ся, не изменяя этим реальное Я, либо реальная способность действовать претерпевает несимволизированную модификацию. Изменения, которые расширяют или ограничивают способность действовать, могут быть позитивными или негативными; в любом случае сновидец узнает посредством интерпретации, в каком состоянии находится его реальное Я и какие возможности у него имеются для осознания и действия в момент сновидения, как он на самом деле чувствует себя и в каком настроении он находится. Какими бы ни были сновидения — о полете или падении, об умирании или рождении, о матери сновидца или аналитике, — каждое сновидение особым образом передает невоспринятое, несимволизированное изменение способности сновидца действовать и каждая интерпретация сновидения проясняет и дифференцирует тот образ Я, который он создал.

При помощи такого понимания места Я в сновидениях Людерс подчеркивает их функцию решения проблем, рассматривая каждое явное содержание сновидения как интерпретацию неосознаваемого состояния психической реальности пациента и приписывая особую важность интегративной функции интерпретации аналитика (как сделал Френч (French, 1952, p. 71); см. также: French, Fromm, 1964). Мы, в частности, разделяем категоричное мнение Людерса о том, что «каждая сцена и каждое лицо являются метафорой, иллюстрирующей невидимую и неартикулированную динамику и смысл которой может быть установлен только с помощью ассоциаций и воспоминаний сновидца. Язык сновидения — личный, а не универсальный» (Lüders, 1982, p. 828).

Со времен Фрейда процессу сновидения приписывалось все увеличивающееся количество функций, то есть теория исполнения желаний постоянно обогащалась. Одно из важных дополнений теории Фрейда — это предложение Френча (French, 1952) смотреть на сновидения как на попытки решения проблем и рассматривать не только само желание, но также и препятствия, стоящие на пути выполнения желания и его осознания. Разрабатывая эту идею, Френч и Фромм (French, Fromm, 1964) видят два основных различия между фрейдовской теорией сновидений и их собственной. Первое заключается в одностороннем теоретическом интересе Фрейда к инфантильным желаниям, которые он считает самым главным двигателем работы сновидения. Второе заключается в том, что фрейдовская техника реконструкции работы сновидения в основном ограничивается ассоциативными цепочками. Френч и Фромм, напротив, не считают, что процесс мышления подобен цепной последовательности из отдельных пунктов, но скорее относятся к мышлению как к чему-то происходящему в «гештальтах» (p. 89).

226 Интерпретация сновидений

«Решение проблем», высвеченное Френчем и Фроммом (French, Fromm, 1964), не является основным, поскольку является личной, универсальной и никогда не завершаемой задачей для каждого индивида. В различных местах своей работы Френч и Фромм ограничивают этот термин социальной адаптацией, тем самым придавая решению проблем более специфический смысл с акцентом на конфликты в отношениях.

Отношение между сновидением и попыткой решить проблему освещается в работах Фрейда после 1905 года, в «Лекциях по введению в психоанализ», где он пишет:

Ибо совершенно верным будет сказать, что сновидение может представлять и замещать все, что вы только что перечислили: намерение, предупреждение, размышление, подготовку, попытку решить проблему и так далее. Но если вы посмотрите внимательнее, вы увидите, что все это относится только к латентным мыслям сновидения, которые были трансформированы в сновидение. Из интерпретации сновидения вы узнаете, что бессознательное мышление людей имеет дело с этими намерениями, приготовлениями, размышлениями и так далее, из которых затем работа сновидения и делает сновидения (1916/17, p. 222).

Фрейд продолжает прояснять некоторые понятия, а затем задает вопрос (p. 223): «Латентные мысли в сновидениях являются тем материалом, который работа сновидений

превращает в явное сновидение. Зачем же путать материал и активность, которая его формирует?» В вытекающих отсюда размышлениях Фрейд еще раз подчеркивает функцию сновидения как исполнения желания.

Теория сновидений во многом испытала на себе влияние философских рассуждений о навязчивом повторении. Альтернативное, психологически более правдоподобное объяснение, которое Фрейд дал повторяющимся тревожным сновидениям и из которого, в противоположность гипотезе о влечении к смерти, можно вывести полезные терапевтические меры, было отмечено в сторону. Это заставляет нас еще больше подчеркнуть, что мотивационную интерпретацию тревожных сновидений следует рассматривать как попытку овладеть трудными травмирующими ситуациями.

На практике введение концепции влечения к смерти повлияло только на тех аналитиков, которые включили его в качестве латентного образа мира или человека в клиническую теорию психоанализа. Большинство же аналитиков следовали фрейдовской терапевтически очень плодотворной и теоретически правдоподобной альтернативной интерпретации повторяющихся тревожных сновидений, которая рассматривает их как форму отсроченного овладения проблемой, а потому, в широком смысле, и ее решения. Кафка (Kafka, 1979) в своем обзоре «экзаменационных» сновидений говорит об их функции самоутверждения

Дневные остатки и инфантильное желание 227

и объясняет их как переходную форму между травматическими сновидениями и тревожными сновидениями.

Подобно тому как сновидения о наказании были включены в теорию исполнения желаний, благодаря расширению концепции желания и локализации желания в Сверх-Я, повторяющиеся страшные сновидения также можно включить в эту расширенную теорию, приписав Я сравнимую с желанием потребность справляться с трудностями (Weiss, Sampson, 1985). Эта альтернатива, хотя и предусмотренная Фрейдом, не была теоретически разработана, и это удивительно, если иметь в виду, что интуитивно она использовалась многими аналитиками и что клинически она может быть высоко оценена без особых затруднений. Опыт показывает, что если проработаны старые детерминанты тревоги и тем самым усиливается уверенность в себе (чувство Я и т.д.), то типичные повторяющиеся страшные сновидения о травматических ситуациях отступают. Симптоматика может также улучшаться в той мере, в какой ее корни находятся в сновидениях и ее можно рассмотреть как проявление этих специфических бессознательных детерминант (см.: Kafka, 1979).

Таким образом, хотя Фрейд без колебаний в контексте психологической интерпретации сновидений наказания рассматривал желание и его удовлетворение как возникающее не из инстинктивной жизни, а из других психических областей, он в дальнейшем избегал какого-либо расширения теории исполнения желаний. Он смог поместить сновидения наказания в подчинение Сверх-Я, не отказываясь от своей системы, но приписать характеристику желания самому решению проблем означало бы разрушить систему. Тогда решение проблем стало бы первостепенным принципом, а инстинктивные желания как части целостной Я-репрезентации были бы иерархически ему подчинены.

Что могло побудить Фрейда не рассматривать тревожные сновидения как попытки исполнения желания в смысле овладения трудностями, то есть как исходящие от Я, при том, что у него не было сомнений, когда он приписывал сновидения наказания мотивам Сверх-Я? Мы полагаем, что так много проблем возникло из-за реорганизации дуалистической теории и изменения первой топографии на вторую, структурную топографию и что теория сновидений до сих пор полностью не интегрирована в структурную теорию (Rapaport, 1967), несмотря на делавшиеся попытки (Arlow, Brenner, 1964). Например, на основе структурной теории было бы очень естественным рассматривать Я как обладающее функцией овладения тревогой также и в сновидениях, а повторяющиеся сны как попытки решения проблем. Фрейд уже представил убедительный пример решения проблемы в сновидении, которое он

интерпретировал во «Фрагменте

228 Интерпретация сновидений

анализа одного случая истерии» (1905e), и очень позитивно описал решения проблем в сновидениях как продолжение бодрствующего мышления на предсознательном уровне в примечаниях к «Толкованию сновидений» издания 1914 и 1925 годов (1900a, p. 579 и 506 соответственно) и в «Лекциях по введению в психоанализ» (1916/17, p. 236),

Но все же Фрейд оставался скептически настроенным в отношении попыток приписывать работе сновидения творческий характер (1923a, p. 242). Мы относим то, что он тем не менее придерживался идеи сведения сновидений к одному-единственному типу мышления (а именно к попыткам исполнения желаний), к базовому, имманентному его системе принципу, берущему свое начало в его латентной антропологии, то есть в его образе человека и мира. Мы имеем в виду его попытку отнести психические явления и, следовательно, происхождение, смысл и природу сновидений, в конечном счете, к физиологическим процессам. Потребности и желания, несомненно, тесно связаны с влечением как пограничным понятием между психическим и физиологическим; вот почему процесс сновидения рассматривался Фрейдом как разрядка внутренних стимулов. Однако нельзя отмахнуться от того, как обосновал Фрейд свой латентный образ человека на практике, то есть в толковании сновидений, и считать это находкой пасхальных яиц, которые он сам и спрятал, или, другими словами, подтверждением заранее подстроенного. Даже если нельзя защищать теорию исполнения желаний в смысле разрядки влечений, она остается первичным эвристическим принципом, согласно которому все психические явления, включая сновидения, должны рассматриваться как выражение желаний и потребностей. Всякий раз, когда игнорируется этот регуляторный принцип, теряется существенная часть.

5.4 Теория Я-репрезентации и ее следствия

Нам бы хотелось обобщить положение Фрейда о том, что каждое сновидение представляет самого сновидца, и вывести некоторые заключения, расширяющие это положение. Противоречия в психоаналитической теории сновидений (работы сновидений) возникают из-за того, что смысл, выходящий за пределы явного содержания сновидения, не поддается терапевтическому переводу (работе по интерпретированию) без столкновения с сопротивлением сновидца. Одна из проблем, возникающих при интерпретировании, заключается в определении отношений между латентными мыслями сновидения, не вскрытыми в интер-

Теория Я-репрезентации и ее следствия 229

претации, и явным содержанием сновидения (то есть между латентным и явным сновидением).

Несоответствия возникают при попытках интерпретирования, потому что теперь Фрейд предполагает некую генетическую связь, в которой мысль, как более позднее явление с точки зрения психологии развития, подчинялась бы архаическому символическому способу выражения в виде одновременно действующего латентного желания. Характерно следующее утверждение: «Вы увидите также, что таким образом становится возможным в отношении большого числа *абстрактных* мыслей создавать картины, действующие как их замена в сновидении и в то же самое время служащие цели сокрытия» (Freud, 1916/17, p. 121; курсив наш).

Совершенно очевидно, что здесь Фрейда интересует, как и во всей его работе, отношение

предварительных стадий к конечной форме, то есть тема трансформации и проблема разнообразия и развития психических констелляций. Вышеупомянутые противоречия, в конечном счете, связаны и с огромными трудностями в понимании правил трансформации и их детерминант, если желание, образ и мысль или аффект и восприятие отделить одно от другого, несмотря на то, что они составляют вместе некую единицу опыта. Например, представьте себе трансформацию желания в «галлюцинаторное исполнение желания». Поскольку первичное инфантильное желание было подчинено латентной мысли в цепи событий, как это предполагается теорией, это также можно рассматривать как разновидность проблемы трансформации, что могло бы объяснить противоречивые утверждения, касающиеся «явного» и «латентного». Если принять сокращенный термин *«латентное сновидение»* для описания смысла *«явного сновидения»*, раскрытого интерпретацией, не локализуя смысл сам по себе на кажущейся реальной предварительной стадии, тогда не нужно задумываться о теоретически неадекватных концепциях решения проблем и можно обрести открытую позицию, предполагающую особую форму мышления в сновидениях.

Мы уже говорили о том, какие процессы психологического развития создают основу для появления личности сновидца в каждом сновидении. Все же открытым остается вопрос о деталях, если мы придерживаемся той формулировки, что сновидение — это Я-репрезентация, которую сновидец осуществляет в той степени, в какой он выражает свою субъективную точку зрения в отношении части своего собственного мира на языке образов. Его субъективный взгляд на самого себя и на ту часть своей жизни, которая представлена в сновидении, ориентирован, даже независимо от регрессии, на Эго. Другие персонажи драмы, их слова, их действия изобретены и инсценированы дра-

230 Интерпретация сновидений

матургом, по крайней мере, настолько, насколько они не противоречат характеристикам и обстановке, которые даны автором сновидения.

Однако у автора нет полной свободы выбора в отношении материала и способов репрезентации, это фактически в значительной степени предопределено следующими ограничениями: до тех пор пока нам не навязывается никаких непреодолимых мыслей в бодрствующем состоянии, в невротической или психотической болезни, мы чувствуем, что мы хозяева в нашем собственном доме, с достаточной свободой выбора различных возможных направлений действия. Даже если рамки выбора сильно ограничены внешними или внутренними факторами и если с точки зрения мотивации наша свобода воли попала в зависимость, мы все же продолжаем твердить, по крайней мере, субъективно, о возможности выбора сделать одно и не делать другого. Если бы дело обстояло иначе, мы не могли бы достичь идеальной цели психоанализа, которая, благодаря проникновению в детерминанты мысли и действия, должна увеличивать область свободы индивида и его способность нести ответственность за самого себя и окружающих, то есть освобождать его от неизбежности последствий бессознательных процессов. В сновидениях субъективное чувство хозяина в собственном доме и потенциальной свободы теряется. Мы особенно сильно переживаем эту потерю, когда вырываемся из страшных сновидений, перед лицом которых мы совершенно беспомощны, и преодолеваем эту потерю свободы, еще раз утверждая свое Я. Уменьшение сопротивления вытеснения вместе с процессами формирования сновидений (работой сновидения, описанной Фрейдом) делает возможным проявление тех бессознательных сфер психической жизни, которые Я предпочитало бы не признавать и против которых воздвигаются барьеры. Один из признанных общих принципов психоанализа заключается в том, что эти бессознательные потребности создают симптомы именно потому, что они возвращаются через заднюю дверь и лишают хозяина дома и его силы, и его свободы. Этот общий принцип может быть для человеческой жизни более или менее значим в зависимости от особого контекста в индивидуальной психопатологии и в истории общества.

С динамической точки зрения было бы естественно особенно внимательно рассмотреть,

какое влияние оказывает уменьшение сопротивления вытеснения во время сна на мир желаний сновидца. Поскольку по самой своей сути желания направлены на объекты и стремятся к удовлетворению и поскольку человеческому воображению нет границ (то есть речь идет далеко не только о непосредственном удовлетворении витальных потребностей), неизбежно возникают фрустрации. Если иметь в виду

Теория Я-репрезентации и ее следствия 231

базовую значимость желаний и то, что даже в раю, наверное, человеческая фантазия никогда не достигнет исполнения желаний, не говоря уже о реальных неудачах или табу на инцест, которое, наверное, является единственным табу, преодолевающим почти все социально-культурные границы и имеющим универсальную силу закона (Hall, Lindzey, 1968), то неудивительно, что Фрейд ограничился при практическом терапевтическом рассмотрении смысла сновидений лишь репрезентацией желаний. С одной стороны, мир желаний неистощим, а с другой — всегда существуют ограничения, запреты и табу, которые препятствуют удовлетворению желаний. Таким образом, желания встречают так много воображаемых и реальных разочарований, бесконечно питаемых чрезмерной индивидуальной фантазией, что вырастает особенно сильное сопротивление их принятию и сознательному признанию. Поэтому Фрейд приписывал цензуре сновидения функцию маскировки и кодирования, допускающую только *попытку* исполнения желаний.

Не может быть ни желания, ни инстинкта, существующих отдельно от субъекта, и даже там, где субъект еще не испытал чувства Я или ощущения своей идентичности, то есть в младенчестве, к нему относятся как к голодному существу и называют собственным именем. В каком-то смысле выражение голода криком является Я-репрезентацией, соответствующей возрасту субъекта. Сам младенец не понимает этого, но это понимают окружающие. Хотя взрослые через собственный инсайт могут постичь, как дети ощущают мир, наши теории о том, как они видят и чувствуют, всегда являются продукцией взрослого разума. Поскольку речь идет о довербальной фазе развития, конструкции и реконструкции внутреннего мира ребенка не могут основываться на вербальной информации. Следовательно, это задает особые проблемы научной верификации, которых, впрочем, мы не можем здесь касаться более глубоко.

Мы упоминаем об этой потенциальной и частой «путанице языков взрослых и детей» (Ferenczi, 1955 [1933]) потому, что теперь переходим к отношениям между детским видением и взрослым мышлением, пользуясь примером перевода детского языка сновидения на язык бодрствующего мышления. Между прочим, мы все же имеем дело с переводом с одного языка на другой, даже когда особая форма мышления в сновидениях не характеризуется так сильно инфантильностью и особой окрашенностью воспоминаний, как это полагал Фрейд. С незапамятных времен тот факт, что люди живут в двух мирах — в мире обычного языка днем и в мире языка сновидений ночью, — являлся источником затруднений. Существенным в искусстве толкователя сновидений всегда было перевести странный язык сновидений таким образом, чтобы их содержание пришло в гармо-

232 Интерпретация сновидений

ничное соответствие с сознательными желаниями и намерениями сновидца. Во время осады Тира Александру Великому приснился танцующий сатир, что толкователь снов Аристандрос интерпретировал как «sa Tyros» — «твой Тир» (Freud, 1916/17, p. 236). Несомненно, Аристандрос постиг мир желаний Александра и, вероятно, уже интуитивно что-то понимал о самоисполнении пророчеств. Возможно, что пророчество принесло удачу, усилив решимость

Александра!

Приближение к ночной стороне нашего мышления может оказаться нелегким для пациента; когда его ассоциации вращаются вокруг явного содержания сновидения, поиск смысла полностью предоставлен ему и его прочтению ничто не противопоставляется. Даже пациенты, сильно мотивированные любопытством и склонные на основе предыдущего опыта полагать, что у сновидений есть творческая функция, бывают встревожены зловещей природой некоторых сновидений. Часто такую тревогу можно понять в контексте сопротивления в той или иной форме и, следовательно, предложить способы для ее преодоления. Поскольку это происходит так часто и так регулярно и никоим образом не ограничивается начальной фазой лечения, нам бы хотелось описать это при помощи более общего термина «сопротивление идентичности» (гл. 4), а именно сказать, что сопротивление коренится в приверженности пациента к своему сознательному образу себя и мира, то есть к своей предыдущей идентичности.

Сопротивление идентичности направлено не только вовне, против мнений и влияний других, особенно аналитика, но также и вовнутрь, в частности против иной репрезентации себя и мира в сновидениях. Именно этот внутренний аспект имеет в виду Эриксон, когда он говорит о сопротивлении идентичности и страхе перед изменением чувства идентичности (1968, pp. 214—215). В частности, он описал сопротивление идентичности в контексте феноменологии спутанности идентичности в пубертате и раннем подростковом возрасте. Мотивация сопротивления идентичности, проявляемая анализируемыми, которые жестко придерживаются своих сознательных взглядов, а потому имеют значительные ограничения, касающиеся Я-репрезентации в своих сновидениях, может быть совершенно иной. Очевидно, что эти две психологически очень разные группы, отличающиеся по возрасту и по симптоматике, требуют различного лечения. Простой здравый смысл подсказывает, что нам следует по-разному себя вести, когда мы хотим стабилизировать размытую и спутанную идентичность и устранить барьеры, ставшие жесткими и почти непреодолимыми. Эту дифференциацию в лечении можно наполнить теоретическим содержанием.

Теория Я-репрезентации и ее следствия 233

Не может быть никаких сомнений в том, что исполнению желаний через объект и объектные отношения в сновидениях приписывается большее терапевтическое и теоретическое значение, чем фундаментальному тезису Фрейда о том, что сновидец всегда представляет себя часто в облике других лиц.

Представленные выше размышления об идентичности и сопротивлении идентичности требуют от нас теперь рассмотрения концепции идентификации в смысле «точно так же, как». Фрейд (1900а, р. 320) утверждает, что образ в сновидении может быть составлен из частей, взятых у различных людей, и говорит, что эту «конструкцию составной личности» (р. 321) невозможно ясно дифференцировать исходя из идентификации. Когда конструкция составной личности не вполне успешна, в сновидении появляется другая фигура.

Мы следовали за предположением Фрейда (1923, р. 120), согласно которому Я сновидца может появляться более одного раза в одном и том же сновидении — лично или скрытое за другими лицами, — и пришли к тому, как язык сновидения превращает общность или схожесть в зрительные образы. Вместо вербального оформления мыслей, например «Я похож на...» или «Я хотел бы быть похожим на...», у сновидца возникает портрет лица, с чьей красотой, силой, агрессивностью, сексуальной потенцией, умом, познаниями и т.д. он хотел бы идентифицироваться. Этот многоликий процесс делает возможным человеческое развитие и учение на примерах. Можно было бы сказать, что если удовлетворение инстинктов обеспечивает выживание животного, то для того, чтобы гарантировать онтогенез человека в данном социокультурном контексте, необходима идентификация. Поэтому мы поддерживаем тезис Фрейда о том, что первичная идентификация является прямым или изначальным способом связывания чувств с объектом, возникающим раньше любых объектных

отношений, и, следовательно, имеет основополагающее организующее значение в человеческом развитии (Freud, 1921c, pp. 106—107; 1923b, p. 31),

Сновидец распределяет свое мнение, намерения и действия между различными лицами с легкостью, и это, возможно, связано с непреодолимой формальной структурой этого особого языка, — структурой, которая напоминает зрительные ребусы. Такие ребусы, между прочим, были очень популярны в Вене в XIX веке, что может служить объяснением тому, почему Фрейд выбрал их в качестве метафоры, описывающей структуру сновидений, — метафоры, которую высоко оценил даже Виттгенштейн, несмотря на свою враждебность психоанализу вообще.

Кажется естественным рассматривать представление сновидца в качестве другого лица как проекцию, но глубина Я-репрезентации через других была бы ограничена, если бы послед-

234 Интерпретация сновидений

няя объяснялась всегда проекцией и вообще защитой. Тем не менее, нет ничего необычного в том, что сновидцам трудно узнавать себя в других и легко увидеть сучок в глазу другого, не замечая бревна в собственном. Примитивный уровень психологического развития, до которого могут регрессировать сновидцы, допускает взаимозаменяемость субъекта и объекта. Различение Я и не-Я, субъекта и объекта на этой фазе еще не полное (и, к счастью, оно никогда не бывает абсолютным, даже у здорового взрослого, иначе не существовало бы такой вещи, как взаимное и разделенное счастье, не говоря уже об «океаническом чувстве») (см.: Thomä, 1981, pp. 99—100).

В этом контексте нам бы хотелось снова обратиться к кропотливому исследованию Фукса (Foulkes, 1982), показавшему, что рассказы о сновидениях 3- и 4-летних детей описывают действия, выполняемые другими людьми. На уровне сновидения дети этого возраста принципиально живут в мире идентификаций, а не проекций,

Фрейд всегда сохранял верность положению, что функцией процесса сновидений является репрезентация желаний, однако впоследствии (1923c, pp. 120—121) отказался от положения, что *все* образы, появляющиеся в сновидениях, являются фрагментациями или репрезентациями собственного Я сновидца, как от спекулятивного. Но кто придерживался этого положения? На наш взгляд, критика Фрейда могла быть направлена против интерпретаций Юнга на субъективном уровне. С другой стороны, вполне возможно, что этого мнения придерживались другие психотерапевты или что оно возникло внутри психоанализа. Наконец, возможно, что Фрейд хотел заранее возразить против такой точки зрения как абсолютной. Во всех своих работах он последовательно придерживается того взгляда, что сновидец может появляться более одного раза в сновидении и быть скрытым за другими лицами. Абсолютистская концепция пробила бы брешь во всеобъемлющем эвристическом принципе обнаружения инфантильных корней желания, мотивирующего сновидение, везде, где это только возможно.

Абсолютистская теория Я-репрезентации стала бы соперничать с теорией исполнения желаний как с первичной концепцией психоаналитической интерпретации сновидений. Хотя фактически практическая терапевтическая интерпретация сновидений была так же далека от понимания этого в начале 1920-х годов, как и в то время, когда Фрейд писал «Толкование сновидений», где все эти факторы были уже рассмотрены, оказавшись полезными для понимания сновидений Доры. Другими словами, в процессе поиска латентных желаний, *включая* инфантильное желание сновидения, постоянно обнаруживались другие аспекты сновидений и их смысл, включая функции решения

проблем и овладения конфликтами. Всегда существовало большое разнообразие подходов к интерпретации сновидений, но никогда не было тенденции заместить теорию исполнения желаний равной по охвату теорией Я-репрезентации.

Важно не забывать точку зрения Фрейда, что именно регрессия в сновидении позволяет сновидцу представить себя в виде нескольких персонажей во сне. Это облегчает преодоление границ между Я и Ты, между субъектом и объектом, и делает их взаимозаменяемыми в смысле двусторонней идентификации в сюжете сновидения. Возникновение магических желаний позволяет объектам в сновидениях, как в волшебных сказках, трансформироваться *ad libitum*¹. Быть и иметь, идентификация и желание больше не являются противоположностями, а суть два аспекта процесса сновидения.

Имея все это в виду, кажется естественным искать мишень критики Фрейда вне фрейдистских школ психоанализа и счесть этой мишенью интерпретации Юнгом сновидений на субъективном уровне. Даже если мы ошибемся в своем предположении, мы надеемся, что наша ошибка, по крайней мере, продуктивна для продолжения разработки данной темы. В силу исторических и практических причин любое рассмотрение Я-репрезентации в сновидениях должно включать и интерпретацию на субъективном уровне, которая очень тесно связана с понятием самости Юнга, и нарциссическую психологическую интерпретацию Я (Self) Кохута.

5.5 Техника

Концепция сновидения как средства Я-репрезентации должна способствовать расширенному пониманию процесса сновидения, которое разрешит противоречие, присущее теории желаний. В латентных мыслях сновидения и желания мы видим бессознательные элементы Я (*des Selbst*), вовлеченные в конфликт и содержащие описание проблемы, а возможно, даже попытки решения проблемы в сновидениях. Мы также видим представление сновидца о себе, о своем теле, о паттернах своего поведения и т.д. Соотношение между решением проблем в настоящем и раньше, в прошлой жизни, не только выявляет вытесненные желания и конфликты, но также представляет собой репетицию будущих действий. Когда сновидение понимается как Я-репрезентация во всех своих доступных аспектах, аналитик будет восприимчивым к тому, что наиболее важно для сновидца,

236 Интерпретация сновидений

и будет оценивать успешность своих интерпретаций не только тем, насколько они вносят вклад в понимание того, как пациент функционирует в данный момент, но также, что особенно важно, насколько они помогают пациенту достичь новых и лучших способов видения вещей и усовершенствовать паттерны поведения. Хотя прошлое сновидца со всеми своими препятствиями в его развитии жизненно важно, его жизнь проходит «здесь-и-теперь» и ориентирована на будущее. Толкование сновидений может внести значительный вклад в изменение настоящего и будущего индивида.

Прежде чем мы перейдем к толкованию сновидений в более строгом смысле, нам бы хотелось остановиться на нескольких вопросах, касающихся запоминания сновидений и сообщений пациента о сновидениях. Терапевтическая полезность сновидений не ограничивается исключительно их толкованием с помощью ассоциаций, то есть обнажением содержания латентных мыслей сновидения. Моншо (Monchaux, 1978) считает функцию видения сна и сообщения о сновидениях (в смысле бессознательного желания и защиты в трансферентных отношениях) настолько же важной для сновидца, как само по себе

¹ По желанию (*лат.*).

сновидение.

Начнем с практического вопроса: следует ли стимулировать пациентов записывать сновидения, например, непосредственно после пробуждения? Фрейд (1911e) совершенно четко высказывался против такого предложения, считая, что сновидения не забываются, когда основное бессознательное содержание готово к проработке. Абрахам (Abraham, 1953 [1913]) разделял этот взгляд и в подтверждение его приводил занимательный клинический случай. Слэп (Slap, 1976) кратко сообщает, что он попросил пациентку записать часть одного сновидения, которое вызывало у нее трудности при устном сообщении, и полагает, что такие действия помогли понимать сновидение.

То, что сообщение о сновидении пациентом (об этом иногда критически упоминают) обладает или приобретает отчетливое сходство с теоретической ориентацией аналитика, не является свидетельством в пользу теории аналитика, но говорит лишь о том, что пациент и аналитик влияют друг на друга. Не следует особенно удивляться, если два участника сближаются при рассказе, общем исследовании и окончательном понимании сновидения. Продуктивность пациента в смысле его сообщений о сновидениях, естественно, также во многом определяется тем, каким образом аналитик реагирует на эти рассказы и есть ли у пациента ощущение, что аналитику они интересны. Томэ (Thomä, 1977) ясно показал, что это сближение не является результатом терапевтического внушения. Для того чтобы пациент мог сообщать о сновидении, он должен чувствовать себя достаточно

Техника 237

безопасно в терапевтических отношениях. Хохаге и Томэ (Hohage, Thomä, 1982) кратко сообщают о взаимодействии между констелляцией переноса и заинтересованностью пациента в своих сновидениях.

Грунерт (Grunert, 1982, p. 206) возражает против мнения Фрейда о том, что само по себе содержание явного сновидения, без включения ассоциаций сновидца, может оказаться бесполезным для интерпретации. Она пишет; «В отличие от практики Фрейда, аналитику не следует бояться придавать серьезное значение образам и событиям в сновидениях и в сопровождающих их или символизируемых эмоциях и аффектах». Из этого следует, что он должен давать и соответствующие интерпретации.

5.5.1 Рекомендации Фрейда и позднейшие добавления

Сформулировав множество советов по технике интерпретации, которые рассыпаны по «Толкованию сновидений» (1900a), Фрейд обобщил свои рекомендации в различных публикациях. В «Замечаниях по теории и практике толкования сновидений» он писал:

При интерпретации сновидения во время анализа можно выбрать одну из нескольких технических процедур.

Можно (а) двигаться хронологически и стимулировать сновидца приводить свои ассоциации к элементам сновидения в том порядке, в котором эти элементы встречаются в его сообщении о сновидении. Это первоначальный классический метод, который я все еще считаю самым лучшим в случае, если кто-либо анализирует свои собственные сновидения.

Или можно (б) начать работу по интерпретации с какого-либо одного отдельного элемента сновидения, который выбирается из его середины. Например, можно выбрать наиболее впечатляющий отрывок, или фрагмент, отличающийся наибольшей ясностью или сенсорной интенсивностью; или опять же можно начать с некоторых произнесенных в сновидении слов, ожидая, что они приведут к воспоминанию каких-нибудь слов, произнесенных в состоянии бодрствования.

Или можно (в) сначала совершенно игнорировать явное содержание и вместо этого спросить сновидца, какие события предыдущего дня ассоциируются в его голове со сновидением, которое он только что описал.

Наконец, можно (г), если сновидец уже знаком с техникой интерпретации, не давать ему никаких

инструкций и позволить самому решить, с каких ассоциаций к сновидению он начнет.

Я не могу утверждать, что одна или другая из этих техник предпочтительна или в целом приведет к лучшим результатам (1923с, р. 109).

Эти рекомендации включают все существенные элементы интерпретации сновидений, хотя аналитик может придавать большую или меньшую важность разным аспектам и варьировать последовательность применения. Рекомендации, данные через десять лет (1933а), подобны, но в них большее внимание уделяется дневным остаткам.

238 Интерпретация сновидений

Теперь у аналитика есть материал, с которым он может работать. Но как? Хотя литература по сновидениям между тем выросла количественно так, что стала необъятной, тщательные рекомендации по технике интерпретации встречаются достаточно редко.

Рассматривая процесс сновидения как решение проблем, Френч и Фромм приводят три условия, которым должны соответствовать интерпретации:

1. Различные смыслы сновидения должны соответствовать друг другу.
2. Они должны соответствовать эмоциональному состоянию сновидца на момент видения сна.
3. Должна быть возможной реконструкция мыслительных процессов непротиворечивым способом.

Френч и Фромм (French, Fromm, 1964, р. 66) описывают эти факторы как «когнитивную структуру сновидения». Эти факторы — тест на валидность реконструкции и, следовательно, интерпретации. Они подчеркивают, что Я в сновидениях не только встает перед задачей решения проблемы, но должно также избегать слишком большого вовлечения в фокусируемый конфликт, что могло бы еще более затруднить решение проблемы. Это избегание лучше называть термином «дистанцирование». Один из признанных способов дистанцирования — это то, что Френч и Фромм называют «деанимацией» (deanimation): конфликт с другими людьми лишается эмоций или техницируется, чтобы облегчить поиск решения проблемы, которая теперь выглядит как всего лишь техническое препятствие. «Когнитивная структура сновидения» — это выражение, которое Френч и Фромм употребляют для описания «конstellации тесно взаимосвязанных проблем» (р. 94), под которыми они подразумевают текущие отношения сновидца в повседневной жизни, отношения с аналитиком и взаимосвязь этих двух видов отношений.

Интерпретация сновидений, как и другие формы интерпретации, должна учитывать три компонента: трансферентные отношения, текущие внешние отношения и историческое измерение. Это необходимо, потому что проблема, а она невротическая, очевидно, не может быть решена пациентом во всех этих трех областях. Френч и Фромм очень скрупулезно пытаются найти узнаваемые значимые связи для материала одного и того же (и предыдущего) сеанса. Любые пробелы и противоречия полезны тем, что заставляют проверять другие, возможно, лучшие гипотезы. Ни в коем случае не являясь противниками интуиции, эти авторы, тем не менее, не доверяют интуитивной интерпретации сновидений, поскольку такая интерпретация, скорее всего, затрагивает лишь один из аспектов сновидения и заводит аналитика в ловушку техники «прокрустова ложа» (French, Fromm,

Техника 239

1964, р. 24), то есть вызывает искушение подогнать материал к гипотезе, а не наоборот. Рассмотрение изолированных аспектов является, с их точки зрения, самой частой причиной расхождений во мнениях при интерпретации сновидений. Представляет интерес их стремление к анализу нескольких сновидений, что позволяет достичь исторических интерпретаций (р. 195). Другие авторы также стремятся к исследованию последовательности

сновидений (например: Greenberg, Pearlman, 1975; Cohen, 1976; Greene, 1979; Geist, Kächele, 1979).

Для полной ясности нам бы хотелось снова привести список требований, которые Френч и Фромм считают необходимыми для интерпретации сновидений:

1. Различные смыслы сновидения должны соответствовать друг другу.
2. Они должны соответствовать эмоциональному состоянию сновидца «в момент сновидения».
3. Не следует принимать часть за целое.
4. Не следует использовать технику «прокрустово ложа».
5. Два этапа:
 - а) текущая проблема;
 - б) подобная проблема в истории (помнить об аспекте переноса).
6. Возможность проверки: реконструкция когнитивной структуры сновидения, противоречия как важные источники новых идей (аналогия: ребусы).
7. Для исторических интерпретаций необходимо несколько сновидений.

Лоуи привлекает внимание к определенному ограничению в интерпретативной деятельности: он не интерпретирует те аспекты, которые помогали бы и поддерживали сновидца. Это в целом соответствует технике неинтерпретирования мягкого позитивного переноса прежде, чем он превращается в сопротивление. Он активно предостерегает против слишком поспешных интерпретаций: «Необдуманные интерпретации подавляют, и это может привести к тому, что субъект будет лишен необходимого эксплицитного переживания определенных создаваемых им самим фигур и сцен» (Lowy, 1967, p. 524).

Часто обсуждается символическая интерпретация, занимающая особое место благодаря общей валидности символов. Однако эта позиция поставлена под сомнение Холтом (Holt, 1967), определившим символы как особую форму смещения. Согласно Холту, символы следует рассматривать как вид смещения. Он пишет:

Таким образом, я предлагаю рассматривать символизм как особый случай смещения со следующими характеристиками: символ является социально принятым и структурированным смещением-заменой

240 Интерпретация сновидений

(displacement-substitute). Первая характеристика — его использование большим количеством людей — предполагает вторую и помогает ее объяснить: если бы любое отдельное смещение-замена было бы просто *ad hoc*, переходным явлением, тогда бы действительно пришлось предположить существование некоего «расового бессознательного» или другого вида предначертанной гармонии, чтобы объяснить тот факт, что многие люди прибегают к одинаковому смещению (Holt, 1967, p. 358),

Ассоциации являются предпосылкой и основой интерпретаций аналитика. Они являются теми кирпичиками, при помощи которых он строит свое понимание сновидения и проблемы и выстраивает свое альтернативное решение для сновидца и которые составляют важную часть того, что обозначается термином «контекст» сновидения. Санд (Sand) в неопубликованной рукописи «Систематическая ошибка при использовании свободных ассоциаций» (1984) рассматривает значимость «контекста» с научной точки зрения. Раис (Reis, 1970) исследовал формы, которые принимают свободные ассоциации к сновидениям, и использует реальный случай для иллюстрации специфической проблемы, состоящей в том, что пациенты иногда неспособны давать ассоциации, в частности к сновидениям.

Фрейд постулирует качественные отношения между сопротивлением и требованиями к ассоциациям, необходимые для понимания элементов сновидения. Он пишет:

Иногда требуется всего лишь одна ответная реплика или несколько, чтобы привести нас от элемента сновидения к бессознательному материалу, который за ним стоит, в то время как в других случаях для этого требуются длинные ассоциативные цепочки и преодоление многочисленных критических возражений. Мы сделаем вывод, что эти различия имеют отношение к изменяющейся силе сопротивления, и, возможно, мы окажемся правы. Если сопротивление невелико, смещение не может быть очень далеким от бессознательного материала; но большее сопротивление означает, что бессознательный материал будет в большей степени искажен и что путь от смещения обратно к бессознательному материалу будет длинным (1916/17, pp. 116—117).

Именно в области интерпретации сновидений особенно укреплялась и оттачивалась техника свободных ассоциаций (см. разд. 7.2). В то же самое время техника получила теоретическое обоснование в предположении об обратной симметрии между работой сновидения и генезисом свободных ассоциаций. Таким образом, Фрейд (1900a, p. 102) определяет свободные ассоциации как «непроизвольные мысли». Сновидение воспринимается как продукция процесса регрессии, благодаря которому мысли сновидения превращаются в зрительные образы.

Фрейд полагал, что пациент, который свободно предается ассоциациям на кушетке, находится в регрессии, сходной с регрессией сновидца. Следовательно, пациент находится в особенно благоприятных условиях для описания образов сновидения, а

Техника 241

также их интерпретации. Благодаря процессу ассоциаций один за другим компоненты сновидения становятся доступными осознанию в бодрствующем состоянии, то есть пациент может разобрать по частям то, что было соединено в сновидении (Freud, 1901a, pp. 636—642).

Поскольку метод свободных ассоциаций сегодня нельзя больше рассматривать как простую инверсию работы сновидения, рекомендуется относиться к свободным ассоциациям прагматически и не упускать из виду значительной роли, которую играет аналитик, просто активно слушая, в создании связей, которые он интерпретирует. Мы уже ясно показали на примере интерпретации сновидения Кохутом, насколько большим может быть влияние теоретических положений.

Мы используем выражение «ассоциации в связи с темой» (*themenzentriertes Assoziieren*), чтобы описать ассоциации, которые дает сновидец, побуждаемый аналитиком в связи с отдельными элементами сновидения; это ассоциации в русле классической интерпретации сновидений. Хотя ассоциации в связи с темой все еще употребляются время от времени с пользой для интерпретативной работы, в литературе приводится немного таких случаев анализа сновидений. Мы не стыдимся показаться старомодными в этом отношении и не думаем, что сфокусированная интерпретация сновидения на основе ассоциаций в связи с темой ограничивает свободу пациента. Естественно, при ассоциациях в связи с темой вскоре возникает вопрос, какие из ассоциаций пациента все еще связаны с самим сновидением и, что еще важнее, какие из них связаны с латентными мыслями и его специфическими бессознательными желаниями. Однако сопротивление ассоциированию, хотя и в определенных пределах, дает некоторые указания на тот путь, по которому надо следовать в контексте сновидения.

В этой связи нам бы хотелось упомянуть еще об одном моменте, а именно о том, что техника интерпретации сновидений, описанная Фрейдом как «классическая» (1923c, p. 109), почти забыта. Крис не приводит ни одного примера этой техники. Он понимает метод и процесс свободных ассоциаций обобщенно: это обычный процесс, при помощи которого сновидец пытается выразить все свои мысли и чувства в словах, а аналитик, пользуясь своими собственными ассоциациями, помогает ему выполнить эту задачу (Kris, 1982, pp. 3, 22).

Способность пациента ассоциировать свободно или более свободно может

рассматриваться как выражение внутренней свободы и, следовательно, как желаемая цель лечения. Однако отнюдь не собственные ассоциации аналитика и не его равномерно распределенное внимание как таковое помогают пациенту; существенным фактором является то, как аналитик приходит

242 Интерпретация сновидений

к полезным интерпретациям и как они влияют на пациента. Непосредственно после каждого вмешательства (каждого перерыва в речи пациента) сеанс начинает крутиться вокруг одной из этих тем. Даже полное отсутствие какой бы то ни было ответной реакции на интерпретацию есть реакция, которую аналитик отметит. Тогда равномерно распределенное внимание аналитика сосредоточивается на теме в той же степени, в какой на этой теме сосредоточивается и пациент, реагируя на вмешательства аналитика, а не игнорируя их. Как аналитик выводит свои интерпретации из ассоциаций пациента, как он находит нужные слова — это относится к психоаналитической эвристике и не является предметом обсуждения в данном разделе (см. гл. 8). Чем более разнообразны ассоциации пациента и чем они подробнее, тем больше затруднений будет у аналитика в том, чтобы сделать выбор и обосновать его с учетом паттернов или конфигураций материала. Поэтому, с одной стороны, целесообразно рассматривать то, что говорит пациент, с позиции непрерывности — что из прошлого занятия продолжается сегодня? — а с другой, рассматривать текущий сеанс как самостоятельный: какую проблему пытается решить пациент?

Спенс (Spence, 1981) предлагает делить ассоциации на «первичные» и «вторичные» согласно «правилам трансформации», которые он хочет установить. Основой использования ассоциаций является «постулат соответствия», о котором мы упоминали выше (Spence, 1981, p. 387): ассоциации соответствуют мыслям сновидения, потому что регрессия во время ассоциирования соответствует состоянию «доброкачественной регрессии» во время сна или влюбленности. Первичными ассоциациями являются те, что причинно связаны со сновидением; они приводят к подробностям сновидения. Вторичные ассоциации — это те, что подсказаны самим сновидением; они уводят от сновидения. Поскольку это важное различие и чтобы яснее продемонстрировать аргументацию Спенса, нам бы хотелось немного подробнее процитировать его:

1. Мы должны разделять ассоциации сновидца на первичные (предполагаемые причины сновидения) и вторичные (вызванные сном, как он приснился, но не имеющие никакого существенного отношения к созданию сновидения). Все вторичные ассоциации должны исходить приблизительно из одного и того же периода жизни пациента — как рабочую гипотезу возьмем двадцать четыре часа до сновидения. Чем более ограничен во времени этот период, тем больше мы можем быть уверены, что верно идентифицировали первичные ассоциации. С другой стороны, если мы значительно увеличиваем пространство наших поисков (например, включив всю жизнь пациента), тем самым мы уменьшаем возможность обнаружения чего-либо, связанного с причиной сновидения, и повышаем шансы уловить только вторичные ассоциации.

Техника 243

2. Нужно представить первичные ассоциации как минимальный набор суждений. Мы должны представить каждую ассоциацию в некоторой стандартной канонической форме, облегчая этим нахождение общих признаков всего их набора и пути для обнаружения правил трансформации.
3. Нам придется уменьшить количество причинных суждений до ограниченного набора, состоящего из одного или более правил трансформации. Каждое правило (или правила), примененное к каноническому суждению, должно генерировать одну или более подробностей реального сновидения; полный набор правил вместе с полным набором суждений должен

учитывать *все* подробности сновидения. Таким образом, в конце этой процедуры мы ограничим явное сновидение до (а) набора основных суждений и (б) до набора одного или более правил трансформации. Трансформирующие правила могут следовать некоторым механизмам первичного процесса (1981, р. 391).

Прежде всего, Спенс здесь стремится уменьшить многообразие смыслов, которое привело Шпехта (Specht, 1981) к вопросу о том, как отличаются интерпретации сновидений, во-первых, от астрологии и интерпретаций оракулов и, во-вторых, от схематической интерпретации символов, на которой основаны популярные книжки по толкованию сновидений. Обратимся сначала к критике произвольности, которая получает поддержку даже в наших собственных рядах. Уэлдер пишет, рассматривая теорию неврозов:

Если бы надо было выявить возможные теории — теории, рассматривающие невроз как одновременное решение трех или более проблем, — и, кроме того, принять во внимание возможность подчинения одной проблемы другой проблеме, количество таких теорий невроза достигло бы многих десятков тысяч (Waelder, 1936, р. 55).

Немного ниже он продолжает:

Наконец, мы можем начать искать действие этого принципа даже в области сновидений; сновидение — это сфера, в которой изначально была открыта сверхдетерминация. Тем не менее, основной характерной чертой сновидения остается ограничение психических переживаний как в отношении к их содержанию (обесценивание Сверх-Я и активных проблем Я), так и в отношении к способу работы (замещение работы бессознательного работой сознания в *предпринимаемых решениях*) и, наконец, в хронологическом смысле (обесценивание настоящего в пользу прошлого). При рассмотрении всех этих ограничений или регрессий, что означает изменение в проблемах и поворот в специфических методах решения от сознательного к бессознательному характеру работы, явления сновидения также могут быть объяснены принципом функции умножения. Каждое событие сновидения затем появляется в восьмикратной функции или в восьми группах смысла. Отличие сновидений объясняется только изменением или сдвигом проблем и воспроизведением способа работы (1936, pp. 58—59; курсив наш).

Здесь подразумевается то, что, если учитывать несколько факторов, количество возможных интерпретаций сновидения достигнет десятков тысяч. Следовательно, сновидение является

244 Интерпретация сновидений

концентрацией многих замыслов и имеет бесконечное количество потенциальных смыслов. Однако, согласно Шпехту (Specht, 1981), возможные пробные интерпретации сновидения нельзя ограничивать. Шпехт формулирует и апробирует теорию интерпретации сновидений, ссылаясь на «расплывчатый горизонт» психоаналитических концепций и правил интерпретации (р. 776). Он предлагает, в соответствии с подобными проблемами в теории науки, «понимать интерпретации сновидений и как рекомендации, а не только как описательные утверждения» (р. 783). Он полагает, что сновидения следует понимать в смысле предполагаемого желания, даже если сновидец не осознает это желание. Шпехт определяет желание как «тенденцию, корни которой находятся в конкретной жизненной ситуации, которую еще неспособен принять сновидец» (р. 784). Он работает с концепцией «предшествующей констелляции» (*antecedent constellation*) (р. 765), под которой он подразумевает «психическое состояние, предшествующее сновидению». Вслед за Роландом (Roland, 1971) он подчеркивает, как и Санд (см. выше), но независимо от него, решающее значение «релевантного контекста». Обе концепции — и мы полагаем, верно, — оставляют открытым временное измерение, так что позволяют включить и дневные остатки, и травмы, полученные десятки лет тому назад. Шпехт приходит к заключению, что возможности для

интерпретации сновидения ограничены (1) правилами интерпретации, (2) свободными ассоциациями сновидца и (3) набором желаний, закрепленных в предшествующей констелляции и на пути которых возникает препятствие (созданное противоположными мотивами, которые нужно тоже определить) к осознанию. Если в большинстве сновидений будет невозможно установить никакого соответствия между различными пробными интерпретациями сновидения и желаний, уходящих в предшествующие констелляции, тогда Шпехт сочтет эту теорию ошибочной. «Следовательно, теория сновидений в принципе опровержима, в отличие от интерпретаций оракулов» (р. 775).

Он предлагает следующие критерии научной интерпретации сновидений:

1. Описание предшествующей констелляции.
2. Применение правил интерпретации.
3. Сообщение о свободных ассоциациях пациента.
4. Описание контрмотивов (с психогенезом?).
5. Рассмотрение различных желаний сновидения.
6. Обоснование выбора «правильной» интерпретации.
7. Разработка интерпретаций.
8. Их воздействие (учитывая критерии «правильной интерпретации», среди прочих — возникновение нового материала).

Техника 245

В диспутах о научной теории мы не должны позволять себе забывать о том, что интерпретация сновидений практически возникает из желания пациента иметь такую интерпретацию (Bartels, 1979): он хочет ликвидировать разрыв между своими сновидениями и своей сознательной жизнью, чтобы сохранить свою идентичность, как отметил Эриксон (Erikson, 1954), интерпретируя «образец сновидения в психоанализе» — сновидения фрейдовской Ирмы.